

«ОЙ, ТУМАНЫ МОИ...»

Заслуженная артистка республики Валентина Ефремовна Клоднина ставит на проигрыватель старенькую заигранную пластинку, и сквозь нутные хрипы звучит протяжная песня, не раз слышанная, но всегда волнующая и удивительной простотой, и величавостью.

Запевный голос выводит песню и находит отзвук в слитном хоровом всплеске:

Ой, туманы мои, растуманы!
Ой, родные леса и луга!

— Не поверите даже, — раздумчиво говорит Валентина Ефремовна, — а первый раз запела ее в холодном вагончике, что стоял на запасном вокзальном тупичке города Свердловска...

В военный 1942 год прославленный Русский народный хор имени Пятницкого был эвакуирован на Урал. В Свердловске артистам выделили несколько старых железнодорожных вагончиков. Их называли теплушками, но свое название они не оправдывали. Тепло сохранялось в них, пока теплились железные печурки. Как только они прогорали, холод проникал с неумолимой силой.

В одной из теплушек помещались музыкальный руководитель хора композитор Владимир Григорьевич Захаров и его жена солистка Валентина Клоднина. Единственной привилегией их была дымная копилка, которую, однако, не зажигали без особой надобности. А надобность эта появлялась каждый раз, когда Владимир Григорьевич засиживался допоздна над нотным листом.

В те дни с фронта приходили вести о бесстрашной борьбе партизан, которые, как пелось в песне времен Отечественной войны 1812 года, «на старой смоленской дороге повстречали незваных гостей».

«Как было бы хорошо написать партизанскую песню, подобно той, старинной», — мечтал Владимир Григорьевич. Для этого, конечно, как минимум необходимо было иметь хороший текст. Но где его взять?.. А Исаковский? Как это он сразу не подумал о своем старом друге!

Надо ли говорить, какую радость испытал композитор, когда в руках его оказалось новое стихотворение Михаила Васильевича Исаковского!

Захаров сразу же прочитал текст — один, другой раз...

● А. П. ЧЕХОВ
В ФЕОДОСИИ

● «СЕРЕБРИСТАЯ
ЗВЕЗДА» ПОЭЗИИ

● И РОДИЛАСЬ ПЕСНЯ

В тот вечер допоздна тлела дымная копилка. Стыли немеющие от холода пальцы, но они становились послушными, когда выводили нотные знаки.

— Валя, — решился он разбудить жену. — Вставай, послушай, что я написал!

Сон прошел тотчас. Вглядываясь в лист, она стала напевать вполголоса, чтобы никого в вагончике не разбудить.

Несколько дней композитор ходил замкнутый, сосредоточенный. Песня давалась с трудом. И баянисты сбивались — то на излишне суровый, то на скорбный аккомпанемент...

Наконец голос вывел песню, хор подхватил запев, и заискрилась мелодия — и трогательная, и суровая.

В первый раз решили исполнить новую песню в госпитале. Кто, как не раненые, испытывшие на себе жестокость войны, мог по достоинству оценить военную песню!

В широкий длинный коридор собрались слушатели — кто пришел сам, кого привезли в коляске. Даже для самых «тяжелых» момент был значительным. Вон сколько прекрасных голосистых девчат собралось для них.

Запевный голос Валентины Клодниной вывел первые слова — «Ой, туманы мои...». Грудное контральто певицы звучало свежо, мягко, и будто не было конца запеву. Но наступил момент, и он слился с хором, обретая решительные интонации.

Песня кончалась на протяжной ноте...

Мгновение стояла пугающая тишина. И вдруг «зал» взорвался громом аплодисментов, стуном костылей, возгласами одобрения, просьбами повторить еще и еще...

С той поры живет, продолжается песня:

Ой, туманы мои, растуманы!
Ой, родная сторонка моя!..

Дмитрий ВРУДНЫЙ